

алист, первое открытие: это тебе не Рио-де-Жанейро...» И тут же мне стало не до шуток: что за фабрика может быть в таком захолустье?! Неужто такая же?..

«ТИШЕ, ТИШЕ! ОНИ СПЯТ»

Фабрику я нашла по запаху. Тому самому, неповторимому, приторно сладкому, в котором волшебным образом смешиваются оттенки ванили, клубники, какао, карамели, жареного арахиса – всего многообразия ингредиентов кондитерского производства. Этот дивный аромат я почувствовала за несколько кварталов до того угла Кооперативной (сейчас Молодогвардейской) и улицы Венцека, где располагалась Куйбышевская кондитерская фабрика.

Предприятие имело славную историю. В самом начале XX века самарские купцы Каргин и Савинов основали кондитерское производство рядом с самым бойким торговым местом в городе – Троицким рынком. Здесь у них были собственные бакалейные склады, а на центральных улицах – магазины. Хотя основная продукция кондитерской фабрики была немудреной – несколько сортов карамели, пряники да «тянучки», – быстро завоевала популярность и хорошо расходилась не только в Самаре, но и в других волжских городах и весях. Европейская известность пришла к предприятию в 1904 году, когда на выставке в Париже монпансье от Савинова и компании заговевало Гран при. Успешно выдерживала фабрика конкуренцию вплоть до революции 1917 года. Став при советской власти государственной, она работала вполне успешно, если бы не война... Тыловой Куйбышев, как и вся страна, жил под лозунгом «Все для фронта. Все для Победы», и на производство сладостей шла малая толика сырья и топлива. Фабрика оказалась в упадке и в таком плачевном состоянии пребывала и в послевоенное время. О запустении говорил сам внешний вид предприятия: обветшалое, унылое старинное здание с обысавшимся декором фасада, а вокруг – мусор, хлам, как на свалке.

В то утро мне было не до анализа и размышлений о плачевном состоянии фабрики. И все же мелькнула вполне резонная мысль: в городах, переживших оккупацию и разрушения (в Киеве, например, или пережившем блокаду Ленинграде), к 1948 году вовсю шло восстановление кондитерских предприятий, и они уже выходили на довоенный уровень производства. Куйбышев враг не бомбил, не обстреливал, а разруха здесь ощущалась буквально на каждом шагу. И кондитерская фабрика не стала исключением на общем безрадостном фоне. Возможно, причина не во внешних факторах, так называемых объективных обстоятельствах, а в беспомощности, недееспособности конкретных руководителей? Как же можно спокойно смотреть на такое позорное состояние? Пожалуй, эти максималистские вопросы отражали мое настроение, когда я переступала порог фабрики.

Время было раннее, рабочий день еще не начался. Я хотела осмотреться в ожидании руководства. Но навстречу попался немолодой высокий человек в пенсне. Интеллигентный вид его в обшарпанных стенах меня озадачил. Оказалось, это главный инженер Николай Савельевич Новиков. Узнав, кто я, он, кажется, опешил еще сильнее: «Из Москвы? К нам?! В нашу глушь? Работать? Да вы, барышня, просто декабристка!» Он проникся ко мне чуть ли не отцовской заботой, сочетая искреннее радушие с провинциальной шутливостью. «Располагайтесь, как дома», – усадил он меня на казенный диван. Хотя под старенькой дерматиновой обивкой чувствовались пружины, я, уставшая после бессонной ночи, пестрых впечатлений утра, не заметила, как задремала. Уже сквозь сон слышала, как Николай Савельевич кому-то делал замечание: «Тише, тише! Они спят». Так трогательно, по-домашнему завершились первые часы моей жизни в Куйбышеве.

«ТАКАЯ МОЛОДАЯ, А УЖЕ НАЧАЛЬНИК!»

...А знакомство с фабрикой только началось. Я заранее дала себе слово, что не буду сравнивать это периферийное предприятие со столичными. За время учебы я проходила производственную практику на московских, ленинградских и киевских кондитерских фабриках. Новое оборудование, современные технологические процессы внедрялись там постоянно, поднимая их на достойный уровень. Это были флагманы отечественной пищевой индустрии. Но как бы я ни настраивала себя, что несправедливо искать на скромной фабричке приметы столичных предприятий, своим местом работы я была обескуражена: как будто из века механики и автоматики попала в эпоху кустарного производства. В прямом смысле! Здесь почти все операции делали вручную, как уже и при Савинове не работали...

На каждом производственном участке меня ждали «открытия», потому что в институте нас учили современным, передовым технологиям. Спускаюсь в подвал. «Здесь у нас бисквитный цех», – объясняют мне. За весомым названием скрывается мрачное помещение, где в жару и чаду выпекаются одни только пряники. Технология – допотопная! Тесто на противнях вручную ставят в печь с одной стороны, а потом крючком вытягивают эти противни с испеченными полуфабрикатами уже с другой стороны громоздкого печного сооружения. А мы в институте изучали механизированные поточные линии, о которых здесь и представления не имели.

В других цехах картина была схожая: тяжелый физический труд, грязь, теснота... Мне как гостье предлагали попробовать и пряники, и карамель. И без дегустации было ясно, что качество продукции, выпущенной в таких примитивных условиях, вряд ли соответствует принятым стандартам. «Какие

изделия больше всего любят в городе?» – задала я вежливый вопрос. И уже не удивилась ответу: «Ну, не знаем... Вот московские конфеты сметают с прилавков. А наши...» Встреча с директором фабрики Алексеем Митрофановичем Поспеловым прошла в спокойной, деловой обстановке. Он и не скрывал, что его, фронтовика, поставили на эту должность, как Давыдова в «Поднятой целине»: «Тебе, как коммунисту, даем ответственное поручение». К кондитерской отрасли до прихода на фабрику он вообще отношения не имел и не представлял, чем карамель отличается от монпансье, а бисквит от пряника.

Меня Алексей Митрофанович встретил приветливо, но с обоснованными сомнениями: образованные специалисты нужны предприятию как воздух, да вот только какой дипломированный инженер надолго задержится на таких задворках отрасли, когда его с распростертыми объятиями примут на заводе или фабрике, которые в гору идут, а не катятся под уклон, как куйбышевская.

Самый актуальный в тот момент вопрос – куда поселить молодого специалиста – в одночасье не решался. И на первое время меня определили на квартиру к одной из работниц. Кровать в полуподвале меня не смущала. Чем удивила Поспелова, и он щедро велел выделить мне для переезда фабричную конную пролетку. «Как барыня!» – вспомнила я картину Крамского «Неизвестная», когда словно в открытом экипаже катила на железнодорожный вокзал за своим багажом.

Поделюсь секретом, которым я и дальше пользовалась весьма успешно: в сложные минуты, когда ничего вокруг не устраивает, ты начинаешь сомневаться в правильности своих поступков, надо посмотреть на себя как бы со стороны. И обязательно увидишь что-то светлое, позитивное: представила себя барыней в купеческом городе, рассмеялась про себя, и отошли – хотя бы до следующего утра – в тень мои сомнения: зачем я нужна на этой захудалой фабрике?

Как и указано было в моем направлении, оформили меня начальником отдела технического контроля (ОТК) Куйбышевской кондитерской фабрики. Это первая запись в моей трудовой книжке. Позднее, когда уже поближе познакомилась с работниками, узнала, какой недовольный шепот ходил по цехам: «Больно много они знают, инженеры эти, да мало понимают... Сами без всякого опыта будут нас учить, с какого бока у печи стоять».

А седой, как лунь, с длинными белыми усами мастер карамельного цеха добродушно качал головой: «Губи ж ты! Совсем молоденькая, а уже большой начальник!» В душе он, видно, так и воспринимал меня – девочкой, во внучки ему годящейся, и любил со мной пошутить, будто он еще с самим Суворовым чаи гонял. А я сначала слегка растерялась: передо мной почтенного возраста добрый человек, а мне надлежит поставить ему на вид: карамель-то у него неважнецкая выходит, убытки приносит! «Атласные подушечки» у него часто

получались наподобие леденцов – пустыми, без начинки и такой закалки, что их даже щипцами сахарными не расколешь.

Ну, накажут мастера рублем. Он завтра же начнет по-другому работать? А если не знает, как?.. Технологию производства карамели знала я. Помнила ее отлично, потому что во время студенческой практики мне доверяли самостоятельную работу на этом участке. Брала в руки устройство, напоминающее шприц, только с двумя отверстиями (одно внутри другого).

Из внутреннего подается начинка (фруктовая, молочная, ликерная), а одновременно из внешнего – горячая карамельная масса. Получается жгут с начинкой внутри. Его острым ножом режут на кусочки – те самые подушечки, которые обожали и детвора, и бабули у самовара. Наблюдая за действиями мастера, я быстро поняла, что он не выдерживает постоянного соотношения между карамельной массой и начинкой. Отсюда и брак.

В первый же месяц трудовой деятельности мне пригодился мой еще детский опыт убеждения. Стала советовать, подсказывать мастеру, что ему надо изменить в действиях, не как дипломированный специалист, а просто как человек, радующийся, что нашел решение проблемы. И я всегда подчеркивала свое уважение к его возрасту, опыту, не кичилась своим профессиональным превосходством. Моя искренность подействовала. Мастер сначала настороженно воспринимал мои подсказки. Вот-вот, думаю, обидится, пригрозит уходом с фабрики. Нет, смотрю, одно свое действие исправил, потом другое... Так и пошло дело уже без моих советов: подушечки стали выходить из-под ножа одинаково пузатыми, полными начинки.

Удалось нам придать недостающий шарм и «Раковым шейкам». Цветные полоски на их корпусе стали ровненькими, изящными, будто китайской кисточкой их нанесли. А действовал все тот же мастер – только после моих ненавязчивых уроков. После этих наших общих скромных успехов карамельных дел мастер встречал меня на участке, как принцессу, и галантно целовал руки.

Мягче стало отношение и других работников, которые опасались, что «бестолковая» москвичка начнет ими командовать да еще и придирается по мелочам. Они признали мой профессионализм и мое право учить их работать по технологии, а не вприглядку, чем они, не стесняясь, грешили. Они даже не замечали моих неназойливых уроков, и как будто без моего участия вдруг их осеняло: «Ну, я и тупой, вот же как надо действовать!» Мне лавры победителя в таких локальных битвах за качество и не нужны были. Главное, чтобы мои усилия шли на пользу предприятию, которое стало мне небезразлично. Я не представляла себе: вот скажу где-то, что работаю на кондитерской фабрике, а на меня посмотрят пренебрежительно: знаем, мол, вашу фабрику, ешьте сами свою безвкусицу...

«НИКОГДА НЕ СТАНУ ДИРЕКТОРОМ»

«Попала с корабля на бал», – иронизировала я над ситуацией, когда с институтской скамьи окунулась в бездну производственных проблем захудалого предприятия. Четкое, логичное мышление отмечали у меня еще школьные учителя. Радуюсь локальным успехам, я отдавала себе отчет: использование одних технологических ухищрений – это капля в решении моря проблем, в котором почти утонула фабрика.

Вникая в бесперспективное существование предприятия, я приказывала себе: не берись за все сразу, не справишься! Следует эту необъятную безысходность разделить на отдельные составляющие и поставить их в порядке остроты и очередности решения проблемы. В рабочем блокноте каждый день делала пометки – наброски плана действий. Интуиция вкупе с институтскими знаниями подсказывала мне: надо найти главную нить, чтобы, потянув за нее, не оборвать остальные, а постепенно подтягивать и их. «Дайте мне точку опоры, и я переверну мир», – вспоминала я Архимеда и хохотала, глядя на себя в дамское зеркальце: а ты, Лена Шпакова, что вознамерилась перевернуть – уютную фабричную жизнь или мирок безразличия и равнодушия, в который ты окунаешься каждый день?

Еще не на бумаге, не в документах, а только в моей голове идея спасения кондитерской фабрики обрела ясные, конкретные очертания. Предприятие нужно полностью перестраивать и механизировать. На каких доводах строился мой «революционный» план? Я составила перечень «болевых точек» предприятия. Устаревшая, изношенная котельная была уже не в состоянии поддерживать необходимое давление и давать сухой пар для производства карамели. Из-за влажного воздуха и постоянной сырости карамельная масса получалась слишком липкой и неэластичной, из нее выходили лишь уродливые кособокие комочки. Мое заявление на первом же совещании о замене котлов не произвело ровным счетом никакого эффекта. Точно также спокойно смотрели, когда я задыхалась от возмущения, выяснив, что коробка для куйбышевских конфет доставляется самолетом с Сахалина, и призывала к здравому смыслу: «Как же так?! Деньги за доставку тары улетают в трубу, а мы сидим без своего тарного цеха!» Изучив состояние других производственных линий, я видела, что следует выкорчевывать их, как сгнившие пни, и устанавливать современные.

«А где средства-то возьмешь?» – читалось в глазах руководителей, когда я надоедала им со своими предложениями. И они были правы. Только не видели перспективы. На латание отдельных дыр и впрямь ни в главке, ни в министерстве фондов не добьешься. Поэтому следует наступать масштабно, предлагая план по сути дела реконструкции фабрики. Обоснование его мы подготовим и

техническое, и государственно значимое. Как же так: в городе, который в войну был второй столицей СССР, принял у себя миссии зарубежных государств, где обосновались крупнейшие эвакуированные предприятия, кондитерское производство просто разваливается.

Прежде чем дойти до министерства, мне требовалось убедить в целесообразности моей идеи фабричное руководство. Стена оказалась непрístupной. Побудить к решительным действиям своих непосредственных начальников мне в тот момент не удалось. Но моя активная позиция не осталась незамеченной. «Шпакова? Новый начальник ОТК? Из Москвы которая? Да, ей можно доверять! Вон как бьется с нашими «старичками» за реконструкцию!» – так меня сначала признали неформальным лидером фабричной молодежи и в считанные недели избрали секретарем комсомольской организации предприятия.

Должность была общественная. Это означало, что совмещать общественную работу предстояло с основной – производственной. А я не собиралась отвлекаться от проблем технологических, которые переплетались с организационными, транспортными и другими, напрямую влияющими на выпуск продукции. Такое раздвоение усилий – на производственную и общественную работу – казалось мне непродуктивным. Попыталась найти поддержку у директора: «Разве больше некого было избрать в комитет комсомола?!» Алексей Митрофанович пытался успокоить ершистую начальницу ОТК: «Лена, Лена, ты почему так раскипятилась? Это разве наказание – быть первой среди ровесников? А вот директорскую ношу не бери на себя. Я тебе не советую. Ты же меры не хочешь знать, вот и надорвешься. Дня спокойно не проходит: то одно рушится, то другое, то начальство недовольно, то авария случится. Не женское это дело...» Я изумилась от такого поворота беседы: «Что вы, Алексей Митрофанович, никогда я не стану директором!» Искренне это сказала, без всякого лукавства.

КОМСОМОЛЬЦЫ – БЕСПОКОЙНЫЕ СЕРДЦА

В Куйбышев я ехала с настроением практической реализации профессиональных знаний, полученных в институте, и в мыслях не было, что придется сразу же заняться общественной работой. Но без комсомола я, как и все мое поколение, свою жизнь не представляла. Еще в тринадцать лет помчалась вступать в ВЛКСМ, и очень переживала, когда мне сказали, что еще год придется подождать. И в школе, и в вузе я все время была в гуще жизни нашей молодежной организации. К комсомольским обязанностям я привыкла относиться с такой же ответственностью, что и к учебе. Вот и теперь отказаться, сослаться на незнание обстановки, коллектива я считала себя не в праве.

Заметила за собой такое свойство: в ответственной ситуации, когда другие начинают сомневаться, я могу среагировать моментально, мысль возникает как будто помимо моей воли. Видимо, срабатывает интуиция. Фабричная молодежь может стать инициатором преобразований на предприятии! Я уже не в одиночку буду тормозить инертных руководителей, от имени комсомольской организации. Эта идея буквально осенила меня, и я без колебаний взялась за работу комсомольского секретаря.

На первом же собрании нашей организации я не стала читать формальный доклад, а просто рассказала ребятам, какие замечательные, современные кондитерские фабрики я видела во время своей студенческой практики. И предприятия эти не моложе куйбышевской, но они постоянно обновляются, люди там не представляют, как можно работать на допотопном оборудовании в неприглядных условиях. «Наша фабрика должна стать такой же!» – свой взгляд на необходимость перемен у себя на предприятии я предложила как руководство к действиям всей нашей молодежи.

В послевоенное время не существовало ни доступной литературы, ни специальных курсов по социальной психологии, где учили бы, как объединять людей вокруг одной идеи, увлекать их не развлечениями, а общественной работой, чтобы молодежь после трудового дня или в выходной делала что-то полезное для предприятия. Не знаю, где я почерпнула этот метод, возможно, он родился у меня спонтанно, но действовал эффективно. Я вбрасывала в молодежную среду актуальную идею, объясняла ее нужность и значимость, эффект от ее реализации и заканчивала так: «Я думаю, вы согласны со мной». Не спрашивала, а утверждала. После такого резюме обычно возражений, сомнений не следовало.

Меня никто не освобождал от производственных обязанностей, и на комсомольскую работу отводились вечера, выходные и праздники. Но сначала требовалось сплотить молодежь, которая не чувствовала в себе заинтересованности со стороны старших. Настояла, чтобы руководство обратило внимание на бытовые условия молодых работников, организовало их профессиональное обучение у опытных специалистов. Но не работой единой жив человек, особенно молодой. В 20–25 лет, даже если за день набегался у себя в цеху, хочется и повеселиться, потанцевать, показать свои способности в пении или спорте.

Для меня это было очевидно, и я занялась организацией молодежного отдыха. Это сейчас принято приглашать на корпоративные мероприятия столичных гастролеров, известных местных артистов. А тогда и средств на это не имелось, да и хотелось быть не потребителями – слушателями, зрителями, а самим проявлять таланты. Я организовала хор и разные кружки по интересам. Оказалось, молодежь этого только и ждала. Ребята и девушки старались ходить в два-три кружка: все им было интересно, любопытно! Особенно

приглянулся драматический кружок, в нем участвовали даже более старшие по возрасту управленцы. Сами искали интересные пьесы, устраивали коллективные читки, выбирали себе роли, сами придумывали и шили костюмы, рисовали декорации, сами были и режиссерами, и оформителями. Репетировали с душой, без понуканий. И когда играли свой спектакль на фабричной сцене, зал принимал нас с восторгом, будто играли именитые народные артисты. Да мы и были самыми народными актерами – не по официальному статусу, а в буквальном смысле слова.

Кто хотя бы раз оказывался на кондитерской фабрике, обращал внимание, что абсолютное большинство работающих – женщины, девушки. Для производства такой расклад оправдан: кто знает толк в сладостях и выполнит операцию аккуратно, даже изящно? Ну далеко не всякий мужчина, а у женщин это природные свойства. И вряд ли кто из руководителей задумывался, почему вдруг молодая женщина увольнялась и уходила работать на механический завод таскать тяжелые болванки, где кругом – мазут, лужи машинного масла. Ответ очевиден: от личной неустроенности в нашем «бабьем царстве». Поэтому мне хотелось, чтобы фабричные девушки не оставались без мужского внимания. Если проявить находчивость, то сделать это несложно, сообразила я и пошла в соседнюю воинскую часть. Договорилась с командиром и замполитом, и мы стали проводить вечера отдыха с военнослужащими. Потенциальные женихи вели себя достойно и вносили свой вклад в программу.

Чтобы все это придумать и организовать, мне приходилось работать как будто в две смены: восемь часов на производстве, а потом, сколько сил хватит, в комсомольской организации. Усталости не замечала. Все боялась что-то не успеть, упустить. Откуда во мне такая потребность – если действовать, так вместе с людьми, придумывать что-то интересное – для всех?.. Есть же немало умных, толковых специалистов, которые трудятся для себя, отдыхают в узком кругу близких и считают, что так развивается личность. Я такую позицию индивидуалистов не понимала и не принимала. Успех должен быть общим. Тогда и поражение (я, конечно, и в мыслях не держала, что возможно отступление!) легче пережить.

Думаю, коллективистское начало сформировалось у меня еще в детстве, в семье. А мама и теперь, уже издали, поддерживала меня: «Будь ближе к людям. Они всегда делали тебе добро и поддерживали тебя заботой. Помнишь?.. Отвечай им тем же, ради Бога!» Да разве могла я забыть, что сделали для меня доктора и медсестры в Дмитровском госпитале после ранения, а уникальные мастера Московского протезного предприятия специально для меня придумывали особые конструкции, чтобы я легче ходила?!

Возможно, я словами не формулировала, но в душе чувствовала долг перед теми, кто в прямом смысле поставил меня на ноги. И отдать его могла

уже другим людям, которые нуждались во мне. Так и возникает неразрывная нить добра: от одного человека – к другому, от того – к третьему... Люди не знакомы друг с другом, живут за тысячи километров, а эта незримая нить их объединяет.

Незаметно унылая фабричная жизнь менялась: молодежь получала возможность повышать свой профессиональный уровень и отдыхать не как раньше, лузгая после обеда семечки. В обеденный перерыв успевали обсудить программу вечера или планы на выходные. Да и отношения среди молодых работников становились более теплыми, человеческими. И те, кто постарше, тоже становились терпимее, уже не кричали, как на базаре, если кто из молодых допустил промах.

«ХОРОМЫ» В... ВАННОЙ

И ровесники, и старые мастера обращались ко мне одинаково: Леночка. Если ветеранам возраст позволял относиться ко мне по-отечески, то молодежь так выражала свое признание. Еленой Васильевной называть девушку в 22–23 года было бы странно, а вот Леночкой, по их мнению, – и приятно, и уважительно.

Выглядела я в первый год своей работы на фабрике уверенной и счастливой. И никто не знал, что у всегда веселой, энергичной Леночки жилищные условия хуже, чем у грузчика из Волжского порта или с Троицкого рынка. Месяца три я обреталась в том самом полуподвале, куда меня пристроили по приезду в Куйбышев. Потом фабричное руководство расщедрилось и стало оплачивать мне гостиничный номер в «Национале».

Но такую «роскошь» долго не протянуло. Тут уже не надеясь на чьи-то благодеяния, я сама нашла себе жилье в доме на углу Венцека и Фрунзе. Обосновалась я в... ванной комнате. Предприимчивые жильцы ходили мыться в баню, а закуток, где должна была находиться ванна, сдавали квартирантам. В этих «хоромах» и обосновалась молодой инженер и комсомольский секретарь Леночка Шпакова...

Есть крыша над головой, и ладно. Мне было не до домашнего уюта. Работы стало еще больше. Всего через четыре месяца, как я приехала на фабрику, меня назначили начальником кондитерного цеха. Женщину, которая руководила цехом, несмотря на высшее образование (она закончила тот же институт, что и я), понизили в должности из-за безответственного поведения. Знания у нее были, но не имелось ни малейшего желания их реализовать, совершенствоваться в практической работе. Но Нина Фурсова увидела в своем смещении происки с моей стороны, затаила обиду и старалась где палки в колеса мне вставить, где мелкую пакость устроить. Но я не обращала внимания, не отвечала на эти

мстительные выпады. Силы нужны мне были, чтобы добиться улучшения на этом запущенном производстве.

Конфетный цех – самый большой на фабрике, занимал часть подвала и половину первого этажа. Но каким же он был неудобным и тесным! Выпускали только «Коровку» и простенькие ириски. О производстве шоколадных конфет даже не помышляли. На устаревшем, изношенном оборудовании едва-едва справлялись с изготовлением примитивных и дешевых изделий. Хотя и действовал конвейер, но такой допотопный, что руки опускались: на нем производительность не повысишь, качество не улучшишь. Где там, если работницы вручную размазывают конфетные пласты на его ленте и тут же нарезают и формуют простенькие конфеты. Лишь две-три операции выполняли машины, а львиная доля труда приходилась на неквалифицированный ручной труд.

Возможно, кто-то ужаснулся бы при виде этой кустарщины, которую в одиночку не превратишь в передовое производство. Но я была не робкого десятка, что доказывала еще в детстве. Но тогда это были отдельные проявления моей отчаянной натуры, а тут требовались время и огромные силы, чтобы сделать рывок из производственного застоя сразу в завтрашний день. Но я осознавала и другое: если уж я тормозила руководство с переустройством всей фабрики, то здесь у меня появилась возможность показать, как это делается в масштабах хотя бы одного цеха. И я засучила рукава...

Однако, мои идеи и планы пришлось отложить. Не потому, что растерялась. Только-только я осмотрелась, освоилась в новой должности, как в жизни случился довольно крутой поворот.

В январе 1950 года меня избрали вторым секретарем Фрунзенского (в будущем Самарского) райкома комсомола. О, как же я не хотела уходить с фабрики! Как будто из родного дома! Хотя не прошло и полутора лет моей работы на предприятии. Мама тоже была против: «Ты же пять лет в институте училась! Я, как могла, помогала, поддерживала тебя. Думала, дочка такую хорошую профессию выбрала – людей радовать, детишек сладостями баловать. Работа у тебя такая полезная. А ты куда идешь? Вечеринки да всякие игры устраивать? Так для этого институт не надо было кончать!» Внутренне я, конечно, согласна была с мамой... Но тогда страна еще не оправилась от военных потерь, все еще шло восстановление городов, крупнейших предприятий, везде и всюду были кадровые «дыры»; дисциплина в комсомоле была железная. Если тебе доверяли, отказаться от должности считалось едва ли не предательством общественных интересов. Так что мой переход на работу в райком ВЛКСМ состоялся, можно сказать, в добровольно-принудительном порядке.

В администрации фабрики были рады моему уходу в комсомол: наконец-то избавились от дотошной юной москвички! Можно снова спокойно обитать в привычном «болотце»...